

Харий Туманс

Эпическое мировоззрение

**Фрагмент из книги. Печатается с разрешения автора по изданию:
Харийс Туманс. Рождение Афины. Афинский путь к демократии:
от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н.э.)**

Спб., 2002. Сокращенный вариант

Возможно, кого-то удивит, что рассмотрение гомеровского общества мы начинаем не с социальных структур, а с мировоззрения. Поэтому поясним, что сделано это не случайно, а в соответствии с принципиальными установками нашего исследования. Дело в том, что в научной литературе по истории Греции как-то давно и прочно утвердилось отношение к культуре как к чему-то второстепенному. Историки в большинстве своем поглощены чисто политической историей, а если и касаются иногда в своих работах религии и культуры, то помещают эти разделы обычно в конце своего труда как некий довесок. Мы же решили поступить наоборот, так как ставим своей целью подчеркнуть важность именно культурно-идеологического фактора в историческом процессе.

Родоначальниками классической религии Древней Греции по праву считаются Гомер и Гесиод. «Отец истории» Геродот писал о них следующее: «Они-то впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы». Гомер начал, заложил основы олимпийской религии, а Гесиод завершил его дело и произвел теологическую систематизацию. Конечно, гомеровская «теология» представляет собой еще довольно пестрое и хаотичное собрание сказаний о богах и героях, которые еще не сведены в единую систему. Тем не менее в них содержатся все основные идеи и положения греческой олимпийской религии. Поэтому Гомер для греков всегда оставался высшим религиозным авторитетом, а его поэмы – единственными «скрижалями веры». На этом основании в литературе большим успехом пользуется сравнение поэм Гомера с Библией. Надо сказать, что сравнение неудачно, так как эпос Гомера не содержит в себе никакого божественного откровения, и вообще есть произведение светской, а не религиозной литературы. Религиозные представления разбросаны в поэмах среди описаний человеческих страстей, подвигов и бытовых забот. Они реконструируются по крупницам из отдельных пассажей и упоминаний. Только из этих фрагментов в общих чертах восстанавливаются основные аспекты гомеровской религии.

Мы не ставим своей задачей давать здесь полный обзор гомеровской религии, так как это выходит далеко за рамки данного исследования. Ограничимся только

тем, что обозначим основные модели, идеи и тенденции. Тут прежде всего следует отметить фундаментальную особенность, определявшую характер греческой религии и все дальнейшее развитие греческой мысли. Она состоит в отсутствии религиозной догмы и жреческой касты – хранительная нечеткость, размытость и незавершенность религиозных представлений греков данной эпохи.

а) Гомеровский космос

Как представлял себе Гомер этот мир и место человека в нем? Напрасно стали бы мы искать у Гомера связанное описание мирового устройства: этого нигде нет. Только косвенные упоминания позволяют нам делать некоторые приблизительные выводы на этот счет. Самое общее представление можно угадать в знаменитом описании щита Ахилла, на котором сам бог ремесла Гефест поместил такую сжатую модель мира. На этом щите изображена вся мировая человеческая жизнь, как ее понимал Гомер, и кратко представлено все то, что содержится в самом эпосе. Щит имел круглую форму и его описание Гомер начинает с центра, а в середине всего помещает землю, небо, море, солнце, луну и звезды. Следовательно, в самом центре расположен общий набросок мироздания. Далее следуют изображения человеческой жизни, открываемые образами двух городов; один изображен в мирное время, а другой – в военное. Затем следуют картины пахотного поля, жатвы, пасущихся стад, сцены хоровода, танцев и игр, а завершает все изображение могучей реки Океан, текущей по краям щита, вдоль обода. Бросается в глаза, что все внимание художника сосредоточено на земной, человеческой жизни, типичнейшие сцены которой описываются весьма тщательно и обстоятельно, в то время как космологические элементы – небо, светила и Океан играют явно второстепенную, чисто символическую роль. Примечательно, что даже общий набросок мироздания, помещенный в центре щита, Гомер начинает с описания не неба, а земли.

Такая всецелая обращенность поэта к человеческому миру своим следствием имеет отсутствие скольконнибудь четкой и внятной концепции происхождения мира. Только отдельные намеки показывают, что

некоторое представление об этом все же имелось. Из данных намеков следует, что весь мир произошел от Океана, который называется прародителем богов и вообще всех вещей. Океан – это огромная и широкая мировая река, обтекающая всю землю, из которой берут начало все земные воды и которая отделяет мир живых от мира потустороннего, где обретаются умершие. Таким «образом, Океан у Гомера – творец всех вещей. Из него все возникло. В литературе эта идея зачастую рассматривается как греческий вариант восточного мифа о происхождении мира. Правда, в отличие от восточных мифологий, Гомер ничего не говорит о том, что и в какой последовательности возникло в начале мира, и эта тема у него совсем не разработана. У Гомера упоминаются еще такие космологические термины, как небо, эфир и Олимп вверх от Земли, а также Аид и Тартар в противоположном направлении. Однако они нигде не сведены в одну систему и не описаны вместе, в их общей взаимосвязи. Гомеровская картина мироздания восстанавливается учеными лишь гипотетически, умозрительно, путем логического соединения всех элементов.

Самые убедительные реконструкции предложены В. Шадевальдтом и А.Ф. Лосевым. По сути дела, это одна и та же схема, и мы приведем ее здесь в сжатом виде. Согласно этой модели, в центре мира на воде плавает плоская и круглая Земля. Над ней находится Небо, которое где-то выше облаков становится уже эфиром. Землю с эфиром соединяет гора Олимп, находившаяся на границе Фессалии и Македонии. Олимп имеет черты мировой горы и становится символом светлой небесной страны, в которой обитают небесные боги-олимпийцы. Верхнему полушарию противостоит нижнее, представленное Аидом и Тартаром. Аид является обиталищем теней умерших и находится внутри Земли, а Тартар есть местопребывание повергнутых Зевсом титанов; он находится ниже Аида и представляет собой как бы нижнее Небо. Таким образом, верхнее и нижнее полушария вместе придают Космосу форму сферы. Кроме того, существуют две космические противоположности – Олимп и Тартар, содержащие в себе все начала и концы существующего. Они представляют собой светлые и темные силы и тождественны по своему значению для всего мироздания.

Однако не будем забывать, что это только наша реконструкция, и что сам Гомер не дает связного описания Космоса и вообще не уделяет ему внимания. Более того он ничего не объясняет и не считает нужным говорить даже о происхождении мира: его такие вещи совершенно не интересуют. Это можно объяснить тем, что гомеровские поэмы были произведениями иного жанра, и в них не ставилась цель дать описание Космоса. Но тот факт, что после Гомера философам пришлось сочинять свои собственные мироздания, говорит о том, что ни у Гомера, ни у его современников и ближайших потомков не было исчерпывающей и рационально обоснованной теории устройства мира. Очевидно, у Гомера не было необходимости создавать такую теорию. А.Ф. Лосев убедительно показывает, что отношение гомеровского человека к космосу имело не

рациональный, а эстетический и созерцательный характер. Современники Гомера не объясняют Космос, но «только жадно созерцают, в него страстно всматриваются, впервые открыв на него свои наивные и удивленные глаза». Оставив в стороне вопрос о том, насколько наивны были глаза Гомера, отметим еще раз, что Космос как таковой вообще не интересовал поэта, так как его занимали преимущественно земные дела и все его внимание было обращено прежде всего к земной жизни людей. Даже о богах он говорит только постольку, поскольку они имеют отношение к людским делам. Поэтому можно утверждать, что космос Гомера геоцентричен и антропоцентричен.

С другой стороны, по крупицам восстанавливаемая эпическая картина мироздания, несмотря на отсутствие теории и ясного изложения, представляет собой вполне логичную и геометрически выраженную схему, имеющую определенную форму (сфера), и три пропорционально-симметричные части; верх (Небо, Олимп), середина (Земля, Океан) и низ (Аид, Тартар). В результате получается «пусть примитивно-игрушечный, но в себе самом вполне законченный космос». Его симметричность имеет в основе принцип зеркального отражения, унаследованный последующей греческой культурой. Кроме того, такой космос несет в себе идею гармоничной уравновешенности всех, в том числе и противоположных частей, что вполне соответствует классическому определению меры. Здесь проявляется также идея упорядоченности частей в едином целом, а это уже составляет суть философского понимания термина «космос», даже если такое понимание было сформулировано гораздо позднее.

6) Мир богов

Как уже сказано, боги живут на Олимпе и по внешним признакам ничем не отличаются от людей, разве что своей особенной красотой. Единственное существенное отличие состоит в том, что боги бессмертны. Иначе говоря, «в олимпийцах человеческое начало было идеализировано и возведено в космический принцип». Боги были максимально очеловечены, их отделяла от людей, если так можно выразиться, лишь одна ступень эволюции. Они имеют тело, как у людей, им свойственны все человеческие слабости, а время они проводят в пирушках и увеселениях. Однако несмотря на то, что боги беспечны и лишены серьезных забот, им также может быть знакомо чувство физической боли. Так, например, горестно плачет и жалуется Афродита, когда ей ударом копья нанес рану смертный герой Диомед. Более того, из ее раны течет хотя и называемая бессмертной, но все же кровь. Даже бессмертие богов иногда кажется каким-то ненастоящим, относительным. Так, например, смертные герои От и Эфиальт однажды сковали цепью бога войны Ареса, который тогда чуть не погиб: «верно бы так и погибнул Арей, ненасытимый бранью...». Короче говоря, гомеровские боги по всем показателям максимально очеловечены и уподоблены людям. В соответствии с этим и отношения между богами строятся по модели человеческих взаимоотношений. Все исследователи единодушно отмечают, что

коллектив гомеровских богов есть не что иное, как человеческое общество, перенесенное на Олимп. Богами правит Зевс, и хотя его власть сильнее любого земного царя, она все же далека от абсолютизма. Зевс не всемогущ и даже ограничен. Он сам вынужден согласовывать свои действия с судьбой и должен совещаться с другими богами. В частности, для решения судьбы Одиссея он созывает собрание богов, как две капли воды похожее на сходку гомеровских героев. Зевс называется в эпосе отцом богов и людей. Таким образом, его власть больше всего похожа на власть главы семьи или общинного вождя. Поэтому положение Зевса часто считают зеркальным отражением патриархальных порядков гомеровской эпохи. Кроме отцовства и реального статуса у него нет больше никакого обоснования своей власти. Похоже, что Зевс опирается только на свою силу, которая превосходит силу всех богов вместе взятых, раз уж он может подвесить их всех на золотой цепи между небом и землей. От Зевса происходит всякая власть и право, но его собственное положение неясно и формы его власти никак не определены. Таким образом, мы можем говорить о неясности гомеровских представлений об организации олимпийских богов и об отсутствии четкой концепции небесной власти.

Однако главным недостатком гомеровского пантеона было отсутствие в нем ясных моральных и этических принципов. Эта особенность также отмечается всеми исследователями. Прежде всего это видно по тому, как распределяется жизненная доля людей: перед Зевсом стоят два сосуда с благими и плохими дарами, и он не глядя черпает из них, смешивает и наделяет ими людей. Понятно, что здесь нет и речи о справедливом распределении, нет моральных критериев, но властвует одна случайность. Однако больше всего удивляет то, что Гомер рассказывает о богах такие вещи, которых постыдился бы любой смертный. Чего стоит, например, история о том, как Гефест поймал в сети свою супругу Афродиту вместе с Аресом во время прелюбодеяния. Как отмечает А.Ф. Лосев, постоянные ссоры, драки и мелкобытовые заботы сильно снижают образ этих богов. Боги Гомера аморальны и ни в коей мере не могут служить нравственными образцами для людей. Поэтому уже через несколько поколений сами греки стали критиковать эти представления о богах и насмехаться над ними. Такая аморальность богов и их «сатирическое» изображение в эпосе породили даже вопросы о том, верит ли сам Гомер в своих богов и можно ли считать его религию религией в полном смысле слова. Сегодня доказано, что все-таки мы имеем здесь дело не с атеистическим отрицанием богов, а с особой формой религиозности.

Причина возникновения противоположных мнений о религиозности гомеровских греков заключается в существовании полярных тенденций в самом эпосе. С одной стороны, это фривольное отношение к богам и даже религиозный скептицизм, а с другой стороны, несомненно, наличие глубокой веры и благочестия. Гомеровские греки молятся богам, чтут их, приносят им жертвы и стремятся жить в согласии с ними. Человек зависим от богов и поэтому Гомер говорит: «Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду». Вообще

надо сказать, сам Гомер преисполнен благочестия, когда говорит об отношении человека к богам. Поэтому и его образцовые герои все как один благочестивы.

Давно уже замечено, что если в речах героев боги описываются в самых общих и нечетких выражениях, то в авторских словах самого Гомера они приобретают более конкретный облик и получают мотивировку своих поступков. В этом угадывается стремление поэта к систематизации представлений о богах, что приводит его к идее о наличии некоторой мировой закономерности. Уже в «Илиаде» Гомер начинает связывать богов с моралью и мировой справедливостью. Это хорошо видно в знаменитом отрывке, в котором описывается гнев Зевса на людей.

...быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных
людей негодует, Кои на сонмах
насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не
страшатся...

(XVI, 385-388/ Пер. Н.И. Гнедича)

Показательно здесь само наличие нечестивых людей, творящих неправду и не боящихся божьей кары. Это означает если еще не безверие, то, по крайней мере, религиозный скепсис, что вполне понятно, если учесть нравственный облик олимпийских богов. Иногда появляется даже отрицание традиционных форм религиозности: Гектор открыто отвергает общую веру в предзнаменования и в гадания по полету птиц. Он заявляет о своем презрении к птицам и не хочет слушать объяснение знамений. Религиозность людей отнюдь не увеличивало и то обстоятельство, что боги завистливы к ним. Гомер совершенно откровенно изображает зависть великого бога Посейдона, который боится, что стена, сооруженная ахейцами вокруг своего лагеря, славою и величием превзойдет ту стену, которую он вместе с Аполлоном построил когда-то для царя Лаомедонта. Наконец, богам не нравится человеческое счастье, и они обрекают смертных на неисчислимые бедствия. Ничего, кроме раздражения, это не может вызвать в человеческом сердце. Поэтому простой скотник Филоитий хотя и пытается утешить несчастного странника тем, что когда-нибудь боги пошлют ему благополучие, все же в сердцах восклицает:

О Зевс. Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человеку: ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.

(Od., XX, 201-203/ Пер. В.А. Жуковского)

Это уже и протест, и обвинение одновременно. Все вместе порождало в некоторых людях скептические настроения, в которых можно разглядеть даже богоборческую тенденцию.

Поэтому не случайно в эпосе усиливаются морализирующие интонации, что особенно заметно в «Одиссее», которая моложе «Илиады», так как, вероятнее всего, Гомер сочинял «Одиссею» уже в

преклонном возрасте. В этой поэме появляется идея посмертного воздаяния, представленная на примерах некоторых нечестивцев, терпящих вечные муки в Аиде за свои преступления. Наконец, в «Одиссее» начинается уже настоящая теодицея: Зевс в собрании олимпийцев провозглашает, что смертные наводят напраслину па богов, обвиняя их во всех несчастьях, так как люди сами навлекают на себя бедствия своим безумством. Совсем в духе этой идеи сын Одиссея Телемах бросает бесчинствующим в его доме женихам гневные слова, в которых предсказывает им неминуемую гибель от Зевса, карающего за неправду. В другом месте пастух Эвмей, как бы предвидя это возмездие, говорит, что боги не любят незаконных дел и что «правда одна и благие поступки людей им угодны». Затем престарелый Лаэрт, узнав о гибели преступных женихов, восклицает:

Слава Зевсу отцу! Существуют еще
на Олимпе мстящие боги, когда
беззаконники вправду погибли.

(Od., XXIV, 351 sq).

Из этих слов можно заключить, что старец уже почти было разуверился в наличии справедливости, и только такой акт возмездия способен был восстановить его пошатнувшуюся веру в богов. Это значит, что все гомеровское благочестие опирается только на веру в справедливое воздаяние со стороны богов.

Итак, мы видим, что на фоне расплывчатых и подчас комических представлений о богах происходит зарожде-

ние и развитие морально-этической идеи. Гомер еще только начинает систематизировать и осмысливать мир богов и его искания еще далеки от завершения. Поиски морального начала в мире активизируются в позднейших слоях эпоса, очевидно, под сильным влиянием новых жизненных реалий. Нарастающая социальная напряженность, увеличение несправедливости и беззакония побуждают поэта искать справедливость в мире богов. Таков его ответ на вызов эпохи.

При всем этом в эпосе совершенно ясно представлен идеал гомеровского человека, образец для подражания: это благочестивый герой, верующий в богов, подчиняющийся их воле и строго выполняющий все религиозные обязанности. Вместе с тем все нечестивцы, попирающие заветы богов, несут у Гомера заслуженную кару. Более того, можно даже полагать, что все эти примеры нечестивцев выведены поэтом именно для того, чтобы показать их печальный конец и чтобы они послужили назиданием для других. Таким образом, Гомер создает модель «правильного» человека, образец для подражания, и религиозным стержнем этой модели, ее ядром является благочестие.

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VII-V вв. до н.э.) – Спб. 2002.